

Посвящается Россу

Победу, изложенную со всеми подробностями,
трудно отличить от поражения¹.

*Жан-Поль Сартр.
Дьявол и Господь Бог*

Вот я улыбнусь, моя улыбка упадет на дно
ваших зрачков, и одному только Богу известно,
что из этого выйдет².

*Жан-Поль Сартр.
Нет выхода³*

¹ Пер. Г. Брейтбурда.

² Пер. С. Лихачевой.

³ В России цитируемая пьеса Сартра больше известна не под этим названием, которое повторяет название наиболее популярного перевода на английский, а как «За закрытыми дверями», что отсылает непосредственно к оригинальному французскому названию.

1

Суббота, 1 октября

Могила

Вы когда-нибудь задумывались, сколько нужно времени, чтобы выкопать могилу? Не гадайте. Целая вечность. Любую цифру, пришедшую вам в голову, смело умножайте на два.

Все мы видели в кино такую сцену: герой, порой даже под дулом пистолета, потеет и кричит, все глубже уходя лопатой в неподатливую почву, пока не окажется в шести футах ниже уровня земли, в собственноручно вырытой могиле. Или двое незадачливых карикатурных злодеев, споря и препираясь, бестолково машут лопатами, с мультяшной легкостью расшвыривая вокруг себя комья земли.

На самом деле все не так. Копать очень трудно. Твердая, тяжелая земля поддается медленно, с большим трудом. Это чертовски утомительно. Дьявольски скучно. И долго. Но сделать надо.

Первые двадцать минут вы держитесь на стрессе, адреналине, отчаянном осознании необходимости. А потом ломаетесь.

Ноги и руки ноют, все тело гудит. Прах к праху. Болит сердце, отходя от последствий адреналинового шока, падает уровень сахара в крови, и вы будто на полном ходу врзаетесь в стену. И при этом с кристальной ясностью осознаете, что выкопать яму все равно придется, как бы ни было тяжело, хоть умри.

Тогда вы переключаете скорость — на середине марафона, когда энтузиазм испарился и перед глазами маячит одна безрадостная цель: дойти до финиша. Вы вложили в проклятый забег все, что имели. Поклялись друзьям, что сможете, заставили внести пожертвования в некую благотворительную организацию, о которой и сами знали только понаслышке. Они с виноватым видом пообещали внести больше денег, чем хотели изначально, чувствуя себя в долгу из-за какого-нибудь давнего велопробега в университете, подробностями коего утомляют вас всякий раз, когда выпьют лишнего. Вы следите за ходом моей мысли? Я все еще о марафоне. Потом вы каждый вечер выходили на пробежку, ноги ныли от усталости, в наушниках гремела музыка, вы преодолевали милю за милей, и ради чего? Чтобы сразиться с собой, со своим телом, именно сейчас, в этот самый момент, и посмотреть, кто победит. Никому, кроме вас, это не интересно. Всем плевать. Только вы, вы и никто другой, пытаетесь выжить. Вот так же и с могилой: представьте, что музыка смолкла, а надо танцевать. Если остановитесь — вам конец.

И вы продолжаете копать. Потому что альтернатива куда страшнее, чем рытье проклятой бездонной ямы в жесткой, неподатливой земле лопатой, найденной в заброшенном сарае.

Вы копаете дальше; перед глазами проплывают цветные пятна: фосфены¹, вызванные метаболической стимуляцией зрительных нейронов коры головного мозга из-за понижения уровня кислорода и сахара в крови. Кровь ревет в ушах: от обезвоживания и перенапря-

¹ Фосфены — зрительные ощущения, не связанные с раздражением органов зрения светом.

НЕЧТО В ВОДЕ

жения упало артериальное давление. Но мысли плывут по спокойному озеру сознания, лишь изредка выныривая на поверхность, и вы не успеваете их поймать. Разум девственно-чист. Центральная нервная система воспринимает перегрузку в виде ситуации «бей или беги» и реагирует, как любят писать в спортивных журналах, «высвобождением эндорфинов»¹, что тормозит мыслительные процессы и вместе с тем защищает мозг от боли и стресса, связанных с вашим занятием.

Изнеможение — отличный способ уравновесить эмоции. Хоть беги марафон, хоть копай могилу.

* * *

Примерно через сорок пять минут я решаю, что шесть футов — недостижимая для меня отметка. Это невозможно. Мой рост — пять футов шесть дюймов². Как я оттуда выберусь? Я буквально вырою себе яму.

Согласно правительственному исследованию за две тысячи четырнадцатый год, пять футов шесть дюймов — идеальный рост для жительницы Великобритании. Оказывается, британцы хотят видеть рядом с собой спутницу именно такого роста. Повезло мне. И Марку. Господи, как мне его не хватает!

Ладно, если я не в силах вырыть яму в шесть футов, то какой глубины хватит?

Обычно тела находят из-за небрежного захоронения. Я ни в коем случае не хочу, чтобы подобное произошло. Мне это совершенно ни к чему. А небрежные захоронения,

¹ Эндорфины — соединения, вырабатываемые мозгом в ответ на негативное воздействие на организм.

² Около 168 см.

КЭТРИН СТЭДМЕН

как в принципе и все небрежное, получают в результате трех факторов: дефицит времени, нехватка предприимчивости, недостаточное усердие.

Что касается времени: у меня есть от трех до шести часов. Три — по моим приблизительным подсчетам, а шесть — до конца светового дня. Времени достаточно. С предприимчивостью тоже все в порядке: две головы лучше, чем одна. Надеюсь. Нужно просто идти шаг за шагом. Наконец третье: усердие. Этого у меня хоть отбавляй! Я никогда в жизни так не усердствовала.

Минимальная глубина, рекомендованная британским Институтом захоронений и кремации, — три фута. Я знаю, потому что изучила этот вопрос. Сначала загуглила и только потом взялась за лопату. Видите, как я предприимчива. К тому же старательна. Я сидела на корточках рядом с телом, вдавливая в землю прелые листья, и искала, как его похоронить, зайдя в браузер с одноразового телефона мертвеца. Если найдут тело... *нет, не найдут...* и сумеют восстановить данные... *нет, не сумеют...* то история моих поисковых запросов станет для кого-то чрезвычайно увлекательным чтивом.

* * *

Спустя два часа я останавливаюсь. Яма теперь чуть больше трех футов глубиной. Рулетки у меня нет, однако я помню, что три фута — примерно длина моей ноги до паха. А еще высота самого лучшего прыжка, который мне удалось совершить во время отдыха в конноспортивном лагере, перед отъездом в университет, двенадцать лет назад. Этот отдых мне подарили на восемнадцатилетие. Странно устроена человеческая память. Я стою по пояс в могиле

НЕЧТО В ВОДЕ

и вспоминаю конные состязания. Кстати, я получила второе место. И очень радовалась тогда.

Ладно, так или иначе, я выкопала яму глубиной примерно в три фута, шириной в два и длиной в шесть. У меня ушло два часа.

Напоминаю: копать могилу *очень* тяжело.

Чтобы вам было проще представить: размеры ямы, моего двухчасового детища, три на два на шесть футов, то есть тридцать шесть кубических футов земли, то есть один кубический метр, то есть полторы тонны. Столько весит легковой автомобиль с кузовом хэтчбек, взрослый кит-белуха или среднестатистический гиппопотам. Такой груз — только в земляном эквиваленте — я переместила чуть выше и левее изначального положения, а глубина могилы составила всего три фута.

* * *

Глядя на кучу земли, я медленно подтягиваюсь на дрожащих руках и выбираюсь наверх. Тело лежит неподалеку под рваным палаточным брезентом, кобальтовая синева которого резко выделяется на фоне коричневого ковра из листьев. Я нашла остатки палатки, свисавшие с ветки, словно фата, близ стоянки, в компании с выброшенным холодильником. Дверца морозилки тихо поскрипывала на ветру.

Печально смотреть на выброшенные на свалку вещи, правда? Тоска. Хотя в них есть своя красота. Собственно, я тоже пришла кое-что выбросить.

Холодильник простоял тут довольно долго — я видела его из окна машины, когда мы с Марком проезжали здесь три месяца назад, и его до сих не забрали. Мы воз-

КЭТРИН СТЭДМЕН

вращались тогда в Лондон из Норфолка после празднования годовщины. Прошло несколько месяцев, а он так и стоит. Странно: у нас столько всего произошло, а здесь ничего не изменилось. Такое чувство, словно это место уплыло во времени и стало зоной ожидания. Похоже, тут никто не появлялся с тех пор, как выброшен холодильник, одному богу известно когда. Сам холодильник явно родом из семидесятых — тяжелая, громоздкая монолитная глыба в сыром английском лесу. Он простоял здесь как минимум три месяца, и его не забрали на свалку. Потому что здесь никого не бывает. Кроме нас. Ни служащих горсовета, ни недовольных местных жителей, способных написать жалобу, ни собачников, которые рано утром могли бы наткнуться на мои раскопки. Самое безопасное место, пришедшее мне в голову. Поэтому мы здесь. Чтобы земля осела, нужно время. У нас с холодильником оно есть.

* * *

Я оглядываю холмик под мятым брезентом. Кучка плоти, кожи, костей, зубов. Все это мертво уже три с половиной часа.

Интересно, он еще теплый? Мой муж, он теплый на ощупь? Я печатаю вопрос в поисковой строке. Не хочется неприятных сюрпризов.

Ага, понятно. Руки и ноги должны быть уже холодными, а туловище может до сих пор сохранять тепло. Ну ладно.

Набираю побольше воздуха и выдыхаю.

Поехали... Нет, стоп. Я зачем-то решаю удалить историю поиска. Это бессмысленно: знаю, что телефон невозможно отследить, он наверняка перестанет работать

НЕЧТО В ВОДЕ

через несколько часов в сырой холодной земле. А вдруг не перестанет? Я кладу одноразовый мобильный обратно в карман его пальто и достаю из нагрудного кармана личный айфон Марка. Он в авиарежиме. Просматриваю галерею. Мы. Слезы наворачиваются на глаза, стекают двумя горячими ручейками по лицу.

Я убираю брезент. Стираю отпечатки пальцев, возвращаю телефон во все еще теплый нагрудный карман и собираюсь с силами.

* * *

Я не считаю себя плохим человеком. Хотя... Судите сами. Только сначала я должна все объяснить. А для этого надо вернуться на три месяца назад, в день нашей годовщины.

2

Пятница, 8 июля

Утро годовщины

Мы с Марком проснулись до рассвета. Сегодня наш праздник. Годовщина первого дня знакомства.

Мы остановились в бутик-отеле с пабом на побережье, в Норфолке. Марк нашел его в приложении к «Файненшл таймс»: «Как потратить». Он выписывает газету, хотя читать успевает только приложения. Впрочем, не соврали, отель действительно оказался «уютным загородным оазисом». И я рада, что мы выбрали именно этот способ потратить деньги. Строго говоря, они пока не мои, однако, надеюсь, скоро станут.